

Эрих
ФРОММ

Да победит
разум!

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм

Да победит разум!

«Издательство АСТ»

1961

УДК 159.9
ББК 88.6

Фромм Э.

Да победит разум! / Э. Фромм — «Издательство АСТ»,
1961 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-122130-0

Всякому обществу, от каменного века до наших дней, свойственно абсолютизировать свой образ жизни, мировоззрение и систему ценностей, а потому любое отступление от «нормы» рассматривается как враждебное посягательство на «основы основ». Книга Эриха Фромма «Да победит разум!», в которой он ищет пути преодоления нарастающей агрессии и ксенофобии, особенно важна в наше время, в условиях новых смертоносных технологий, когда непримиримая война Востока и Запада, ревнителей веры и атеистов, прогрессистов и консерваторов может привести к мировому цивилизационному краху. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-122130-0

© Фромм Э., 1961
© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Предисловие	6
I. Некоторые общие предпосылки	8
1. Упреждающие и катастрофические изменения	8
2. Исторические истоки современного кризиса и перспективы на будущее	11
3. Здоровое и патологическое мышление в политике	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эрих Фромм
Да победит разум!
Исследование о фактах и
вымыслах во внешней политике

Erich Fromm
May Man Prevail?

* * *

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Erich Fromm, 1961
© Перевод. А. Анваер, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие

Среди ответственных политических лидеров существует практически полное единодушие в том, что Соединенные Штаты и западный мир в целом вступили в опасный период своей истории. Несмотря на то что мнения по поводу степени этой опасности разделились, все сходится на том, что нам надо иметь отчетливую и реалистическую картину сложившейся ситуации для того, чтобы адекватно реагировать на опасность и понимать, что выбор правильного образа действий у нас только один. Предпосылки, на которых основано это мнение о ситуации в мире, в принципе представляются следующими.

Коммунизм, представленный Советским Союзом и Китаем, является революционно-империалистическим движением, стремящимся завоевать мир либо открытыми силовыми действиями, либо подрывной деятельностью. Промышленное и военное развитие сделало коммунистический лагерь, в особенности Советский Союз, могущественным соперником, способным в значительной степени разрушить наш человеческий и промышленный потенциал. Коммунистический блок можно ограничить в его притязаниях единственно внушением ему четкого понимания того, что любая такая попытка будет встречена контрударом, который разрушит или нанесет непоправимый ущерб его человеческому или промышленному потенциалу. В этой способности к устрашающему сдерживанию заключена наша единственная надежда на сохранение мира, ибо Россия откажется от попыток завоевания мира только под влиянием страха перед нашим ответом. Мир можно считать гарантированным до тех пор, пока мы сохраняем достаточную военную мощь и имеем военных союзников по всему миру.

Правда, внутри этой общей концепции мнения заинтересованных лиц весьма разнообразны. Есть люди, которые считают, что ядерная война убьет 60–70 миллионов американцев, а такие потери едва ли разрушат или серьезно трансформируют наш образ жизни. Другие считают, что более реалистичными представляются потери в 100–150 миллионов человек. Третьи являются сторонниками переговоров о разоружении с позиции силы, четвертые же считают всякие переговоры о разоружении пустоопорожним упражнением в пропаганде. Есть сторонники ограниченного контроля над вооружениями, например запрещения испытаний ядерного оружия, но им возражают те, кто считает, что такие меры являются угрозой нашей безопасности. Находятся такие специалисты, которые предпочитают ядерную стратегию, предусматривающую нацеливание наших ракет на пусковые установки вероятного противника. Естественно, есть сторонники «второго удара», нацеленного на крупные города, промышленные и культурные центры, как и адепты обоих таких подходов. (Правда, совместное использование обеих стратегий может привести к потере их преимуществ.) Разница во взглядах раскалывает и наш политический класс. При администрации Эйзенхауэра Государственный департамент и президент придерживались более примирительной позиции, являясь сторонниками прекращения испытаний ядерного оружия и контроля над вооружениями, но военные и комиссия по атомной энергии не приветствовали (и не приветствуют сейчас) такую примиренческую политику. В самих вооруженных силах разные группы придерживаются разных стратегических концепций. Каждая такая группа поддерживает выгодную для себя концепцию и в то же время идет на компромисс с конкурирующими службами.

Несмотря на эти различия, представляется, что большая часть ответственных политических лидеров и большинство населения убеждены в правильности основных предпосылок нашей политики и желают ее продолжения в выбранном направлении. Они уверены, что другого курса просто не существует, иными словами, любой другой курс приведет к войне скорее, чем нынешний. Эта позиция подкрепляется убежденностью в том, что наша политика не только является единственной надеждой на физическое выживание, но она единственна в силу своей этической и моральной обоснованности. Все убеждены в том, что мы и наши союзники

представляют свободу и идеализм, а русские и их союзники представляют рабство и материализм. При этом молчаливо допускают, что риск войны и разрушения надо принять, потому что лучше умереть, чем стать рабами.

Осуществлять политику, основанную на таких допущениях, осознавая грозящие нам и всему миру опасности, приходится с тяжелым сердцем, но без тени сомнения. Любой, кто поддерживает такую политику, убеждается в том, что мы делаем все, что в наших силах, и нет другого пути, который мог бы лучше защитить нас от войны или порабощения.

Если, однако, предпосылки, на которых зиждется наша политика, являются ошибочными, то нам придется принять такой образ действий, какой не смеет рекомендовать ни один человек, который хотя бы в минимальной степени не лишен чувства ответственности и долга. Следовательно, наша интеллектуальная и моральная обязанность заставляет нас снова и снова ставить под вопрос правильность этих предпосылок. Я постараюсь показать причину моей убежденности в том, что многие предпосылки, на которых основана наша политика, являются ложными, что многие наши допущения – это фикция, искажающая реальность, а следовательно, мы, сами не понимая, что творим, создаем тяжелейшую опасность для нас самих и всего остального человечества.

Многие читатели будут удивлены и даже шокированы некоторыми моими высказываниями и выводами; но единственное, о чем я прошу их, – это сохранять открытость ума и следить за моей аргументацией, не поддаваясь эмоционально окрашенным пристрастиям. В конце концов, у большинства из нас две главные заботы: мы не хотим опустошительной войны, но хотим сохранить идеи человеческого достоинства и принципы индивидуализма. Я попытаюсь показать, что мир еще возможен и что у разумной гуманистической традиции есть будущее.

Хочу выразить благодарность Роджеру Хагану, который не только помог мне собрать нужный исторический материал, но и сделал много полезных критических и конструктивных замечаний и предложений, взяв на себя труд прочитать рукопись. Хочу также выразить искреннюю признательность Майклу Маккоби, который внес множество ценных предложений, особенно для главы о разоружении, а также Хэрропу Фримену, который любезно выкроил время в своем жестком рабочем графике и внимательно прочел рукопись, сделав при этом важные поправки и предложения. Благодарен я также Дэвиду Рисману и Стюарту Мичему за чтение рукописи перед сдачей ее в печать и за важные замечания и критику.

Э. Ф.

I. Некоторые общие предпосылки

1. Упреждающие и катастрофические изменения

Общества живут своей жизнью, они основывают свое бытие на определенных производительных силах, географических и климатических условиях, на способе производства, идеях и ценностях и на определенном типе человеческого характера, который развивается в этих условиях. Общества организованы таким образом, что проявляют тенденцию продолжать свое бытие в этой конкретной форме, к которой они наилучшим образом адаптировались. Как правило, люди каждого общества уверены в том, что их образ бытия является естественным и неизбежным. Едва ли эти люди видят иные возможности, в действительности они склонны верить, что кардинальные изменения в их образе бытия приведут к хаосу и разрушению. Они всерьез убеждены в том, что их путь праведен и санкционирован богами или законами человеческой природы, и что единственная альтернатива продолжению формы существования, в которой они живут, – гибель и уничтожение. Эта вера не является результатом идеологической обработки, она коренится в аффективной части человеческого сознания, в *структуре характера*, которая выковывается всем общественным и культурным устройством так, что человек *хочет делать то, что ему приходится делать*, и его энергия направляется таким образом, чтобы она служила определенной функции, которую он должен исполнять, будучи членом данного общества. Именно по этой причине, из-за того что этот образ мышления коренится в мозаике *чувства*, это мышление так устойчиво и не поддается изменению.

Тем не менее, общества меняются. Эти изменения являются следствием действия множества факторов, таких как новые производительные силы, научные открытия, политические завоевания, рост населения и т. д. Помимо этих объективных факторов растущее осознание человеком своей сущности и потребностей, особенно возрастающей потребности в свободе и независимости, становится движущей силой постоянного и неуклонного изменения исторической ситуации, изменения, сделавшего из пещерного человека прошлого космического путешественника будущего.

Как происходят эти изменения?

Большей частью такие изменения происходят насильственным и катастрофическим путем. Большинство обществ, как вожди, так и ведомые, оказываются неспособными по своей воле мирно адаптироваться к фундаментально новым условиям, *предвосхищая необходимые изменения*. Общества такого рода продолжали упрямо отстаивать свои принципы, весьма поэтично называя это «исполнением своей миссии», изо всех сил стараясь сохранить основы своей привычной общественной жизни, решаясь лишь на мелкие изменения и модификации. Даже в ситуациях, когда возникали чудовищные противоречия со структурой этих обществ, они слепо пытались держаться прежних устоев до тех пор, пока не изнемогали в борьбе. Тогда обычно народ становился объектом завоевания другими народами или медленно исчезал, так как уже не мог жить по-старому.

Самыми яростными противниками фундаментальных изменений были элиты, извлекавшие наибольшие выгоды от существующего устройства и не желавшие добровольно отказываться от своих привилегий. Однако материальные интересы правящих и привилегированных групп – не единственная причина неспособности множества культур заранее осуществлять необходимые изменения. Другая, не менее важная причина, – психологический фактор. Вожди и ведомые, материализуя и обожествляя свой образ жизни, свои мыслительные концепции и свою систему ценностей, становятся их ригидными приверженцами. Даже небольшие откло-

нения в концепциях становятся сильнейшим раздражающим фактором и рассматриваются как враждебные, дьявольские, безумные посягательства на «нормальное», «здоровое» мышление.

Для последователей Кромвеля исчадием ада были паписты, для якобинцев – жирондисты, для американцев – коммунисты. В каждом обществе человек абсолютизирует образ жизни и образ мышления, производимый его культурой, и готов, скорее, умереть, чем допустить изменения, так как в его представлении изменение равносильно смерти. Таким образом, история человечества – это кладбище великих культур, закончивших свое существование катастрофой из-за неспособности целенаправленно и планомерно реагировать на изменения.

Тем не менее ненасильственные, предвосхищающие изменения случались и в реальной истории. Освобождение рабочего класса от оков беспощадной эксплуатации и превращение рабочих во влиятельных экономических партнеров в западном индустриальном обществе служит примером ненасильственного изменения классовых отношений внутри общества. Готовность и способность лейбористского правительства Британии предоставить независимость Индии до того, как Британия была бы вынуждена это сделать перед лицом насилия, являет собой аналогичный пример в сфере международных отношений. Но эти предвосхищающие решения до недавнего времени были, скорее, исключением, нежели правилом. Религиозный мир в Европе наступил только *после* Тридцатилетней войны, в Англии – только после жесточайших преследований папистов и антипапистов; в ходе Первой и Второй мировых войн мир наступал только после бессмысленной гибели миллионов мужчин и женщин по обе стороны фронта, которая продолжалась по несколько лет после того, как становился ясен окончательный исход войны. Какую пользу могло бы извлечь человечество, если бы вынужденные решения принимались до того, как они реально становились вынужденными? Не мог ли упреждающий компромисс предотвратить ужасающие потери и всеобщее погружение в варварство?

Сегодня мы снова оказываемся перед лицом критического выбора, в котором разница между силовым и упреждающим решением эквивалентна разнице между уничтожением и плодотворным развитием нашей цивилизации. Сегодняшний мир поделен на два блока, которые смотрят друг на друга с подозрением и ненавистью. Оба блока обладают возможностью причинить друг другу ущерб, величину которого можно сравнить лишь с небрежностью в его подсчетах. (Согласно оценкам можно ожидать, что потери США составят от одной трети до практически полного уничтожения в ходе ядерного конфликта; то же самое касается и вероятных потерь Советского Союза.) Два блока до зубов вооружены и готовы к войне. Блоки не доверяют друг другу, и каждый подозревает противника в желании завоевать и разрушить его. Современное равновесие подозрений и угроз, основанное на разрушительном потенциале, может, конечно, просуществовать некоторое время. Но в долгосрочной перспективе единственными возможными альтернативами являются либо ядерная война и все ее последствия, либо окончание холодной войны, что предусматривает разоружение и заключение политического мира между двумя блоками.

Вопрос заключается в следующем: должны ли Соединенные Штаты (и их западные союзники) и Советский Союз, а также коммунистический Китай, следовать своим нынешним курсом до ужасного конца, или обе стороны должны провести упреждающие изменения и прийти к решению, которое исторически возможно и которое в то же время принесет каждому блоку оптимальные выгоды.

По сути, это тот же вопрос, с которым сталкивались другие общества и культуры, а именно: *способны ли мы приложить понимание законов истории к политическим действиям*¹.

Здесь возникает дополнительный вопрос: что именно, какая причина делает общество жизнеспособным, позволяя ему реагировать на изменения? На этот вопрос нет простого

¹ Этот вопрос превосходно разобран в книге Роберта Хейлбронера «Будущее как история» (The Future as History, Harper & Bros., New York, 1960). – *Здесь и далее, за исключением отдельно оговоренных случаев, примеч. авт.*

ответа, но ясно, что общество должно прежде всего отличать свои первичные ценности от вторичных ценностей и учреждений. Это трудно, потому что вторичные системы порождают свои собственные ценности и учреждения, которые так же важны, как человеческие и социальные потребности, которые дали им жизнь. По мере того как народная жизнь переплетается с учреждениями, организациями, стилем жизни, формами производства и потребления и т. п., люди проникаются желанием жертвовать собой и другими во имя произведений своих рук, превращать свои творения в идолов и поклоняться этим идолам. Более того, учреждения, как правило, противятся изменениям, а значит, люди, полностью преданные учреждениям, несвободны в выборе упреждающих изменений. Следовательно, проблема такого общества, как наше, заключается в том, смогут ли люди заново открыть основополагающие человеческие и общественные ценности нашей цивилизации и отказаться от верности, не говоря уже о поклонении, тем институциональным или идеологическим ценностям, которые становятся тормозом развития.

Есть, однако, большая разница между прошлым и будущим, которая делает этот вопрос жизненно важным и неотложным. Насильственное, далекое от упреждения решение, в нашем случае не приведет к плохому миру, как это случилось для Германии в 1918 и 1945 годах; оно не приведет к пленению части нашего народа, или части русского народа, как это случилось с народами, разбитыми Римской империей; оно приведет, скорее всего, к физическому уничтожению большинства ныне живущих американцев и русских и к варварской дегуманизации и диктатуре для всех выживших. На этот раз выбор между иррациональным насилием и рациональным упреждением повлияет на род человеческий и на его культурное, если не на физическое, выживание.

Пока шансы на то, что выбор будет сделан в пользу рационального упреждения, являются весьма призрачными. Дело не в том, что отсутствует возможность такого исхода в реальной ситуации, а в том, что с обеих сторон воздвигнут мысленный барьер, составленный из ритуальных идеологических клише и доброй толики безумия, которые мешают народам – их вождям и ведомым – здраво и реалистично посмотреть на факты, отделить факты от фикции, и выявить решения, альтернативные насильственному. Такая рациональная упреждающая политика требует критического анализа наших допущений относительно природы коммунизма, будущего слаборазвитых стран и ценности устрашения в предотвращении войны. Помимо этого, такая политика требует серьезного исследования наших собственных предубеждений и тех безусловно нездоровых форм мышления, которые управляют нашим поведением.

2. Исторические истоки современного кризиса и перспективы на будущее

После длившегося почти тысячу лет – от начала феодализации Римской империи до позднего Средневековья – процесса, в ходе которого европейский континент был пропитан христианством, вобравшим в себя идеи и элементы мышления, заимствованные у греков, евреев и арабов, Европа породила новую культуру. Западный человек открыл в природе объект интеллектуальных спекуляций и эстетической радости; он создал новую науку, которая в течение нескольких столетий стала фундаментом техники, каковой было суждено преобразовать природу и повседневную жизнь невиданными ранее способами; он открыл себя как самостоятельного индивида, наделенного почти неограниченной силой и энергией.

Этот новый период породил также и новую надежду на улучшение и даже усовершенствование человека. Надежда на совершенствование человека, на его способность построить «доброе общество» – одна из самых характерных и уникальных черт западного мышления. Эту же надежду питали пророки Ветхого Завета и греческие философы. Она никогда полностью не утрачивалась, хотя была затемнена внеисторическими идеями спасения и утверждения греховности в христианском мышлении; эта надежда нашла свое новое выражение в утопиях XVI–XVII веков, в философских и политических идеях XVIII–XIX веков.

Параллельно с возрождением надежды после Ренессанса и Реформации началось взрывоподобное экономическое развитие Запада, произошла первая промышленная революция. Организационные формы, которые она приняла, приобрели вид капитализма, характеризующегося частной собственностью на средства производства, существованием политически свободных наемных работников и регулированием всей экономической деятельности на принципах расчетливости и максимизации прибылей. К 1913 году промышленное производство выросло в семь раз по сравнению с 1860 годом, и почти весь этот рост пришелся на Европу и Северную Америку. (На весь остальной мир приходилось около 10 % всего промышленного производства.)

После Первой мировой войны человечество вступило в новую фазу. Природа капиталистического способа производства претерпела глубокие изменения. Новые производительные силы (такие как использование нефти, электричества и атомной энергии) и технологические открытия увеличили объемы промышленного производства материальных благ во много раз по сравнению с серединой XIX века.

Новые технологические открытия принесли с собой новую форму производства. Производство сконцентрировалось на крупных предприятиях, господствующее положение заняли крупные корпорации и управленческая бюрократия, возглавлявшая корпорации, но не владевшая ими. Изменился и способ производства: на предприятиях слаженно трудились тысячи рабочих и инженеров, поддерживаемых мощными профсоюзами, которые часто копировали бюрократическую организацию корпораций. Централизация, бюрократизация и манипуляция стали характерными чертами нового способа производства.

Ранний период промышленного развития с его потребностью создания тяжелой промышленности за счет удовлетворения материальных потребностей рабочих привел к ужасающей нищете миллионов мужчин, женщин и детей, работавших на заводах и фабриках в XIX веке. Реакцией на эту нищету, на попрание человеческого достоинства стало повсеместное распространение в Европе социалистического движения. Это движение грозило опрокинуть старый порядок и заменить его новым, при котором труд будет приносить благо широким массам населения.

Усовершенствованная организация труда в сочетании с техническим прогрессом и результирующим повышением производительности труда позволила рабочему классу полу-

чить большую долю национального продукта. Страшная неудовлетворенность системой, господствовавшей в XIX веке, вызвала к жизни дух сотрудничества внутри капиталистической системы. Возникло новое партнерство между промышленниками и рабочими, представленное профсоюзами и (за исключением Соединенных Штатов) социалистическими партиями. После Первой мировой войны тенденция к насильственным революциям сошла на нет в Европе, за исключением самой отсталой из великих держав – России.

В то время как пропасть между имущими и неимущими в промышленно развитых странах Запада значительно сузилась (она медленно, но неуклонно сужалась и в Советской России), пропасть между имущими странами Европы и Северной Америки и неимущими странами Азии (за исключением Японии), Африки и Латинской Америки остается такой же широкой, какой она была раньше внутри каждой отдельно взятой страны, и до сих пор продолжает расширяться. В начале XX века колониальные народы еще мирились со своей эксплуатацией и нищетой, но уже к середине нашего века мы стали свидетелями полномасштабной революции бедных стран. Точно так же как рабочие в капиталистических странах XIX века отказались и дальше верить в то, что их судьба ограничена божественным или социальным законом, так теперь и бедные народы отказались мириться со своей нищетой. Они потребовали не только политической свободы, но и уровня жизни, приближающегося к уровню жизни западного мира, и быстрой индустриализации как средства достижения этой цели. Две трети рода человеческого не желают смириться с положением, когда их уровень жизни составляет от 5 до 10 % от уровня жизни в богатейшей стране мира – США. Эта страна при населении, составляющем 6 % населения мира, производит 40 процентов всех промышленных товаров.

Колониальная революция была запущена многими факторами, среди которых на первое место надо поставить военное и экономическое ослабление Европы после двух мировых войн первой половины XX века, националистические и революционные идеологии, перенесенные из Европы и Америки XIX века, а также новые способы производства и социальной организации, которые повысили шансы превратить клич «Догнать Запад!» из лозунга в реальность.

Китай, позаимствовав коммунистическую идеологию, а также экономические и социальные методы у Советской России, стал первой колониальной страной, добившейся впечатляющих экономических успехов; Китай начал превращаться в одну из великих мировых держав, которая с помощью собственного примера, убеждения и экономической помощи предпринимает попытки возглавить колониальные революции в Азии, Африке и Латинской Америке.

После 1923 года Советский Союз окончательно отказался от надежды на пролетарскую революцию на Западе и начал в итоге сдерживать западные революционные движения, все еще надеясь, однако, на поддержку со стороны националистических революций Востока. Теперь, когда Советский Союз и сам стал одной из «имущих» стран, он ощущает угрозу натиска со стороны отсталых стран, руководимых Китаем, и ищет взаимопонимания с США, однако без попыток установления с ними союза, направленного против Китая.

Любое описание основных тенденций развития Запада за последние четыреста лет будет неполным, если не принять во внимание глубинных духовных изменений. Несмотря на то что влияние богословского христианского мышления неуклонно ослабевало с XVII века, духовная реальность, которую раньше выражали в форме теологических концепций, нашла свое выражение в философской, исторической и политической формах. Философы XVIII века, как заметил Карл Беккер², в своей вере не уступали богословам XIII века. Они просто облекли свой опыт в другую концептуальную оболочку. На фоне взрывоподобного роста богатства и технических возможностей в XIX веке произошли фундаментальные изменения во всех отношениях. Не только «бог умер», как выразился Ницше, постепенно начал умирать гуманизм, присущий как богословам XIII, так и философам XVIII века; формулы идеологий – религиоз-

² Карл Лотус Беккер (1873–1945) – американский историк, профессор. – *Примеч. ред.*

ной и гуманистической – продолжали использоваться, но истинный их опыт становился все более призрачным и менее реальным. Человек словно опьянел от собственного могущества и превратил материальное производство, бывшее когда-то средством достижения достойной жизни, в цель.

Сегодня для всех индустриальных обществ характерны крупные предприятия, вмешательство государства в экономику и упор на контроль, а не на владение собственностью на средства производства. Западная капиталистическая система, хотя и сохранила много черт капитализма XIX века, смогла усвоить и достаточно новых черт, создав систему, разительно отличающуюся от предыдущей. В наши дни существуют три формы социализма, которые намного резче порвали с традициями прошлых экономических стадий, но демонстрируют новые тенденции в разной степени: а) хрущевский социализм как система всеобъемлющего централизованного планирования и государственной собственности в промышленности и сельском хозяйстве; б) китайский коммунизм (особенно начиная с 1958 года), ставший системой тотальной мобилизации своего самого главного капитала – шестисот миллионов человек – и такого же тотального манипулирования их физической и эмоциональной энергией и мышлением без учета индивидуальности каждого отдельно взятого человека; в) гуманистический социализм, целью которого является смещение необходимого минимума централизации, вмешательства государства и бюрократии с возможным максимумом децентрализации, индивидуализма и свободы. Этот третий тип социализма представлен в разных формах во многих странах – от Скандинавии до Югославии, от Бирмы до Индии.

Основываясь на различении этих исторических трендов, я хочу представить тезис, который постараюсь обосновать на следующих страницах:

Советский Союз под руководством Хрущева являет собой образец консервативной, контролируемой государством индустриальной экономики, а отнюдь не революционной системы; Советский Союз заинтересован в законе и порядке и изо всех сил пытается защититься от натиска революции «неимущих» народов.

По этой причине Хрущев ищет взаимопонимания с Соединенными Штатами, хочет покончить с холодной войной и приступить к разоружению. Война ему не нужна, и он ее не хочет.

Тем не менее Хрущев не может отказаться от коммунистической революционной идеологии и не может обратиться против Китая, не подорвав свою собственную систему. Вследствие этого ему приходится осторожно маневрировать, чтобы сохранить идеологию для русского народа и защититься от Китая и его союзников.

Если его попытки закончить холодную войну с Западом завершатся неудачей, он (или его преемник) будет вынужден пойти на тесный союз с Китаем, а это означает политику, которая оставит мало надежд на мир.

Развитие бывших колониальных народов не пойдет по капиталистическому пути, потому что по психологическим, социальным и экономическим причинам капиталистическая система не годится для них и не является привлекательной. Вопрос заключается не в том, к какой системе они присоединятся – к коммунистической или капиталистической. Вопрос в том, какую форму коммунизма они примут – русскую или китайскую, став ближайшими союзниками одной из этих стран, или они выберут одну из форм демократического децентрализованного социализма и станут союзниками нейтрального блока, представленного Тито³, Насером⁴ и Неру⁵.

³ *Иосип Броз Тито* (1892–1980) – югославский революционер, политический, государственный, военный и партийный деятель; лидер Югославии в 1945–1980 годах. – *Примеч. ред.*

⁴ *Гамаль Абдель Насер* (1918–1970) – египетский революционер, военный, государственный и политический деятель, 2-й президент Египта в 1956–1970 годах. – *Примеч. ред.*

⁵ *Джавахарлал Неру* (1889–1964) – один из самых видных политических деятелей мира, лидер левого крыла индийского

Таким образом, Соединенные Штаты столкнулись со следующей альтернативой: либо продолжать борьбу против коммунизма и гонку вооружений, что приведет к повышению вероятности атомной войны, *либо* достигнуть политического взаимопонимания на основе статус-кво с Советским Союзом, пойти на всеобщее разоружение (включая и Китай) и поддерживать нейтральные режимы демократического социализма в бывших колониях. Последнее решение приведет к созданию многополярного мира, состоящего из западного блока под руководством США и Европы, советского блока под руководством СССР, Китая, а также социалистического демократического блока под руководством Югославии и Индии и блока других нейтральных стран.

В сегодняшнем мире конкурируют две силы – Россия с Китаем и США с Западной Европой. Любая попытка одной стороны сокрушить другую посредством военной силы не только провалится, но и приведет к уничтожению обеих систем. Есть только один способ, с помощью которого Соединенные Штаты могут конкурировать с коммунизмом: показать, что уровень жизни в отсталых странах можно поднять до той же степени, что и с помощью тоталитарных методов, но без режима насильственного принуждения.

Само существование многополярного мира зависит от принятия современного статус-кво всеми державами при условии эффективного всеобщего и полного разоружения. Напряженность и подозрительность, обусловленные гонкой ядерных вооружений, не допускают достижения политического взаимопонимания, а неурегулированные политические отношения не позволяют приступить к разоружению. Разоружение и политическое взаимопонимание являются необходимыми условиями сохранения мира. Однако, для того чтобы сделать это возможным, надо предпринять и некоторые другие шаги.

1. Психологическое разоружение, прекращение истерической ненависти и подозрительности в отношениях между главными действующими лицами, так как ненависть и подозрительность сильно затрудняют реалистичное и объективное мышление и даже делают его невозможным, причем с обеих сторон. (Такое психологическое разоружение не предполагает отказ от политических или философских убеждений, или от права критиковать другие системы. Напротив, психологическое разоружение предоставит больше возможностей для критики и отстаивания собственных убеждений, потому что они не будут уже затуманены ненавистью и перестанут подпитывать дух войны.)

2. Массированная экономическая помощь отсталым странам продовольствием, вложением капиталов и техническим содействием, что станет возможно только при условии прекращения гонки вооружений.

3. Укрепление и реорганизация Организации Объединенных Наций таким образом, чтобы эта организация стала обладать реальной возможностью контролировать международное разоружение и организовывать масштабную экономическую помощь отсталым странам.

В тесной связи с этой альтернативной внешней политикой находится еще одна, не менее важная проблема. В борьбе с нищетой, создавая богатства, Соединенные Штаты, так же как остальные страны Запада (и Советский Союз), усвоили дух материализма, в условиях господства которого производство и потребление стали самодовлеющими целями, а не средствами создания достойной человека творческой жизни. Эти и другие институциональные вторичные цели и ценности для большинства людей стали неотличимыми от первичных целей жизни. Даже если отвлечься от всех внешних опасностей, наша внутренняя пустота и укоренившееся отсутствие надежды в конце концов приведут к падению западной цивилизации, если истинное возрождение западного духа не займет место нынешнего самодовольства, покорности и растерянности. Это возрождение должно быть таким же, каким было Возрождение XV–XVII

веков, – живительным восстановлением связи с гуманистическими принципами и вдохновенностью западной культуры.

Подытоживая, можно сказать: мы сегодня являемся свидетелями настоящей, стремительно развивающейся революции; революции, которая началась на Западе четыреста лет назад. Она привела к созданию новой системы производства, которая сделала Европу и Америку мировыми лидерами. Она сделала трудящиеся массы Европы бенефициарами системы и поэтому революция масс в Европе (за исключением России) и в Северной Америке была мирной. Ныне разворачивается новая стадия мировой революции – революция отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вопрос заключается в том, будет ли эта революция мирной, что представляется возможным, если великие промышленно развитые державы смогут уловить и принять исторические тенденции и предпримут адекватные упреждающие шаги. Если же они этого не сделают, то не остановят колониальную революцию, хотя, вероятно, смогут на короткий исторический миг подавить ее силой. Однако попытка сдержать колониальную революцию приведет к нарастанию напряженности между двумя блоками, угрожающими друг другу ядерным оружием, что оставит мало надежды на мир и сохранение демократии.

3. Здоровое и патологическое мышление в политике

Идея о том, что Советский Союз – это консервативное, а вовсе не революционное государство, а также идея о том, что Соединенным Штатам следует не воевать с демократическим социалистическим развитием отсталых стран, а приветствовать его, вступают в противоречие с представлениями, которых придерживается большинство американцев. Это противоречие не только интеллектуальное, но и эмоциональное, при этом сами идеи представляются еретическими, вздорными или подрывными, в зависимости от индивидуального отношения читателей. По этой причине я считаю полезным познакомить читателей с некоторыми замечаниями по поводу психологических механизмов, лежащих в основе такой непримиримой реакции, для того чтобы подготовить почву к лучшему пониманию того, о чем я буду говорить в следующих главах.

Понимание собственного общества и культуры, так же как понимание самого себя, – это задача разума. Однако препятствия, которые приходится преодолевать разуму для понимания собственного общества, являются столь же трудными, как и чудовищные препятствия, лежащие на пути понимания самого себя, как это удалось показать Фрейд. Эти препятствия (Фрейд называл их «сопротивлением») никоим образом не являются феноменами, обусловленными недостатками интеллекта или отсутствием информации. Они находятся в области эмоциональных факторов, которые притупляют или искажают способность к мышлению до такой степени, что мышление становится бесполезным инструментом в познании реальности. Большинство людей в каждом данном обществе живут в полном неведении относительно самой возможности таких искажений. Деформацию они замечают только тогда, когда она проявляется в виде отклонения от отношений большинства, но остаются в полном убеждении, что мнения большинства являются правильными и «здоровыми»⁶. Однако это не всегда так. Так же как существует *folie à deux*⁷, индуцированное бредовое расстройство, поражающее двоих или нескольких человек, существует и бред, поражающий миллионы людей, и согласие этих миллионов с ошибочными суждениями не превращает их в истину. Последующим поколениям, через много лет после вспышки массового безумия, становится ясен патологический характер былого мышления, несмотря на то, что его разделяли тогда практически все; так, например, наиболее отвратительные психические реакции на черную смерть в Средние века, охота на ведьм в эпоху Контрреформации, религиозная нетерпимость в Англии XVII века, ненависть к «гуннам» во время Первой мировой войны стали считаться патологическими лишь спустя длительный промежуток времени. Однако в тот момент, когда данный стиль мышления имеет место, он не воспринимается как патологический и сходит за нормальное «мышление». Ниже я очерчу некоторые самые важные формы патологического мышления в политике и международных отношениях, так как это очень важно для правильного, незамутненного понимания современных политических событий.

Я начну с описания одной из самых крайних форм патологического мышления, с *параноидного* мышления. В случаях индивидуального заболевания, когда человек страдает от паранойи, диагноз, как правило, ясен не только психиатрам, но и всем окружающим. Человек, который рассказывает, что на него «ополчились все», что его коллеги, его друзья и даже его собственная жена плетут заговор с целью его убийства, представляется нам совершенно безумным. Но на каком основании мы делаем этот вывод? Отнюдь не потому, что его обвинения

⁶ См. мой детальный обзор этой проблемы в книге «Здоровое общество» (The Sane Society, Rinehart & Co., Inc., New York, 1955).

⁷ «Безумие на двоих» – этот французский термин используют для описания случаев, когда два близких человека одновременно проявляют признаки одного и того же психического расстройства. – *Примеч. ред.*

являются логически *невозможными*. Может случиться так, что его враги, знакомые и даже родственники объединились для того, чтобы убить его; действительно, такие вещи происходят в реальности. Мы не можем искренне сказать несчастному больному, что его подозрения необоснованны, *невозможны*. Мы можем лишь говорить, что это маловероятно, так как такое происходит, вообще, редко и едва ли возможно, если учесть характер его жены и отношение друзей.

Но наши доводы не убедят пациента. Для него реальность основана на логической возможности, а не на вероятности. Основой болезни является его отношение. Его контакт с реальностью ограничивается узким совпадением отношения с законами логического мышления и не требует исследования реальной вероятности. Не требует, потому что параноик не способен на такое исследование. Так же, как у любого больного, страдающего психозом, его реальность очень тонкая и хрупкая. Его реальность существует только внутри него – это его эмоции, страхи и желания. Внешний мир для него лишь зеркало или символическое представление его внутреннего мира.

Но в отличие от больных, страдающих шизофренией, у многих параноиков извращен лишь один аспект здорового мышления: требование логической возможности. Они отказываются от другого аспекта – аспекта реалистичной вероятности. Если в качестве условия истинности требуется только возможность, то эта возможность легко превращается в определенность. Если же востребована вероятность, то лишь очень немногие вещи соответствуют критерию определенности. Именно это на самом деле делает параноидное мышление таким «привлекательным», невзирая на страдания, которые оно причиняет. Паранойя спасает человека от сомнений. Она гарантирует ощущение определенности, что делает ненужным знание, к которому может привести здоровое мышление.

Люди легко распознают параноидное мышление у индивидов в случаях параноидного психоза. Но распознать параноидное мышление, когда его разделяют миллионы людей и когда оно поощряется властью, намного труднее. В качестве примера можно привести обыденное мышление о России. Для большинства американцев в наше время характерно параноидное мышление об этой стране; а именно, американцы, думая о России, задают вопрос: «Что возможно?», а не «Что вероятно?». В самом деле, возможно, что Хрущев хочет покорить нас силой. Возможно, что он делает мирные предложения только для того, чтобы мы оставались в неведении о грозящей нам опасности. Возможно также, что весь его спор с китайскими коммунистами о сосуществовании есть не что иное, как ловкий трюк, призванный заставить нас поверить в его миролюбие, в то время как на самом деле он просто хочет заставить нас врасплох. Если мы будем думать только о *возможностях*, то в самом деле у нас нет никаких надежд на разумные политические действия.

Здоровое мышление означает мышление не только о возможностях, которые всегда легко распознать и усвоить, но и мышление о вероятностях. Это последнее предусматривает исследование реалистичных ситуаций и в какой-то степени предсказание действий оппонента посредством анализа всех факторов и мотиваций, которые оказывают влияние на его поведение. Для того чтобы прояснить этот пункт, я хочу подчеркнуть, что мой акцент на противопоставлении здорового и параноидного мышления не подразумевает суждения, согласно которому Россия не *может* иметь коварных и лживых планов, он подразумевает необходимость тщательного и беспристрастного исследования фактов и понимание того, что логическая возможность как таковая ничего не доказывает и имеет мало значения.

Другим патологическим механизмом, угрожающим реалистичному и эффективному политическому мышлению, является *проекция*. Каждый знаком с этим механизмом в его более грубой форме, когда он касается отдельного индивида. Каждый сможет назвать деструктивного человека, который обвиняет окружающих во враждебности, а себя выставляет в роли невинной жертвы. Можно привести в пример тысячи браков, которые продолжают существовать благо-

даря такому проективному механизму. Каждый партнер обвиняет другого в том, что на самом деле составляет его собственную проблему, и вследствие этого постоянно занят проблемами партнера, а не своими собственными. И опять то, что мы легко различаем на примерах индивидов, мы не замечаем, когда речь идет о миллионах граждан, использующих тот же проективный механизм, особенно если этот механизм поддерживается властью. Например, во время Первой мировой войны народы союзных стран верили, что немцы были злобными гуннами, убивающими невинных детей; немцы стали персонификацией абсолютного зла до такой степени, что даже музыка Баха и Бетховена объявлялась дьявольской. С другой стороны, противники гуннов сражались за благороднейшие цели – за свободу, мир, демократию и т. п. Странно, но немцы точно так же думали о союзниках.

Что получается в результате? Врага представляют воплощением абсолютного зла, потому что все свои негативные чувства проецируют на него. Кажется совершенно логичным, что после того, как это происходит, я начинаю считать себя воплощением абсолютного добра, потому что все зло перенесено на противную сторону. Результатом является негодование и ненависть в отношении врага и некритичное, нарциссическое прославление себя. Это может породить индуцированную манию и всеобщее чувство ненависти. Такое патологическое мышление опасно в тех случаях, когда оно ведет к войне, и смертоносно, когда ведет к разрушению.

Наше отношение к коммунизму, Советскому Союзу и коммунистическому Китаю в значительной степени обусловлено проективным мышлением. Действительно, сталинская система террора была бесчеловечной, жестокой и отвратительной, хотя она была не более омерзительной, чем террор в ряде других стран, которые мы называем свободными, скажем, режимы Трухильо или Батисты.

Я не говорю о некоммунистических жестокостях и бессердечии как о смягчающих обстоятельствах в суждении о сталинском режиме, потому что очевидно, жестокости и бесчеловечность не могут компенсировать друг друга. Я говорю об этом, чтобы показать, что негодование многих людей в отношении Сталина не столь уж искренне и истинно, как они сами об этом думают. Если бы это было так, то они испытывали бы негодование и по поводу других случаев жестокости и бессердечия, независимо от того, проявляют их политические противники или союзники. Мало того, *сталинского режима уже нет*. Россия сегодня представляет собой консервативный полицейский режим, который ни в коем случае нельзя назвать желательным, если вы являетесь поборником свободы и индивидуальности, но этот режим не должен возбуждать такого глубокого негодования, какого заслуживала сталинская система террора и подавления. Это счастье, что русский режим изменился и перешел от методов жестокого терроризма к методам консервативного полицейского государства. Это обстоятельство демонстрирует отсутствие искренности у тех любителей свободы, которые громогласно клянутся в своей ненависти к Советскому Союзу, как будто не знают о значительном изменении, произошедшем с системой.

Многие до сих пор продолжают считать коммунизм воплощением зла, а себя, людей свободного мира, включая таких наших союзников, как Франко, – персонификацией абсолютного добра. В результате получается нарциссическая и нереальная картина, представляющая Запад как борца за добро, свободу и гуманизм и рисующая коммунизм как врага всего гуманного и достойного. Коммунистический Китай, особенно в своем отношении к Западу, следует тому же патологическому механизму.

Если проекция смешивается с параноидным мышлением, как это было во время войны, а также во время «холодной войны», то мы получаем взрывоопасную психологическую смесь, исключаящую здоровое упреждающее мышление.

Обсуждение патологического мышления будет неполным, если не рассмотреть еще один тип патологии, играющий большую роль в политическом мышлении, – *фанатизм*. Кто является фанатиком? Как можно его распознать? Сегодня, когда истинные убеждения встречаются исключительно редко, существует тенденция называть «фанатиком» любого, кто обладает

искренней религиозной верой или имеет научные убеждения, которые радикально отличаются от веры или убеждений других людей, но пока еще не доказаны. Если бы это было так, то мы могли бы отнести к числу «фанатиков» таких людей, как Будда, Исайя, Сократ, Иисус, Галилей, Дарвин, Маркс, Фрейд, Эйнштейн.

На вопрос о том, кто является фанатиком, часто невозможно ответить, если судить по *содержанию* утверждения. Например, вера в человека и его возможности не может быть доказана интеллектуально, но она может быть глубоко укоренена в подлинном опыте верующего. То же самое касается и научного мышления, где часто имеет место значительная дистанция между высказанной гипотезой и твердо доказанным научным фактом, и поэтому ученый должен обладать верой в свое мышление до того момента, когда ему удастся представить доказательства. Однако существует множество утверждений, которые находятся в полном противоречии с законами рационального мышления, и всякий, кто придерживается веры в немислимое, может быть справедливо назван фанатиком. В то же время часто бывает нелегко решить, что иррационально, а что – нет, и ни «доказательство», ни общее согласие не могут служить достаточными критериями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.